

УДК 159.99; 37.013.77

DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.032

Провокативное поведение: психолого-девиантологический дискурс**Клейберг Юрий Александрович**

Доктор психологических наук, доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики и социальной работы,
Тверской государственной университет,
170100, Российская Федерация, Тверь, ул. Желябова, 33;
e-mail: klab53@rambler.ru

Аннотация

В статье представлен системный анализ провокативного поведения в ситуациях социального и межличностного взаимодействия, описаны модели провокативного поведения (воздействия), выявлены функции, принципы и механизмы провокативного поведения. Указывается на то, что девиантологические феномены, в том числе провокация и провокативное поведение, конструируются, осознаются, осваиваются, понимаются, принимаются и демонстрируются в процессе социальных контактов и совместной деятельности. Важным аспектом психолого-девиантологического направления при характеристике провокативного поведения является деконструкция проблемных дискурсов, т. е. процесс конструирования через разрушение (деструкцию). Провокативное поведение рассматривается в качестве одного из многочисленных инструментов воздействия на людей с целью удовлетворения тех или иных потребностей, поскольку в социальных условиях жизни удовлетворение многих потребностей человека зависит от отношения к нему других людей, на изменение которого, осознанно или нет, направлены его манифестации и позиционирование. На современном этапе развития общества некоторые социальные ситуации и события (экономические, политические и т. п.) выступают провокативным триггером девиантного и криминального поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Клейберг Ю.А. Провокативное поведение: психолого-девиантологический дискурс // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 1А. С. 269-277. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.032

Ключевые слова

Провокативное поведение, провокативный триггер, психолого-девиантологический дискурс, провокация, девиантное поведение.

Введение

Понятие «провокация» в девиантологической и социально-психологической литературе встречается нечасто. Тем не менее анализ психологических феноменов, относящихся к сфере взаимоотношений, взаимодействия и взаимовлияния людей, свидетельствует о широкой востребованности применения метода провокации в смежных областях знания: психотерапии, лингвистике, психосемантике, политологии, социологии, педагогике и других социономических сферах науки и практики.

Провокация – это комплекс действий и практик, который выступает психолого-девиантологическим триггером манипулирования сознанием людей и искусственного создания таких ситуаций, которые повлекли бы психоневрологические последствия для провоцируемого с возможным проявлением девиантного поведения.

Основная часть

Следует разобраться в концепте «провокация». Анализ представлений о провокации отражен в психологических, социологических и политических концепциях отечественных и зарубежных ученых (Б.Н. Бессонов, Д.А. Волкогонов, Б. Добрович, Е.Л. Доценко, Э. Фромм, С.О. Хохель, Т. Шиллер, Э. Шостром, L. Proto, W.P. Riker, W. Robinson, J. Rudinow, J.V. Thompson, O.T. Yokoyma и др.), в которых раскрыты основные признаки и описаны характеристики провокации как продукта общественных отношений: сущность, родовые характеристики, функции, способы, объект («мишень») и адресат.

Не претендуя на всеобъемлющее толкование феномена «провокация», мы склонны в данной статье рассматривать взаимоотношение *интенционалов* (термин, обозначающий содержание понятия) и *экстенционалов* (термин, обозначающий объем понятия, т. е. совокупность обозначаемых данным понятием предметов) данного понятия. *Провокация* – наиболее характерный способ и одновременно латентный и/или открытый механизм манипуляции, указывающий на ее деструктивную природу. Суть провокации – манифестация психологического состояния и трансляция его от одного участника интеракции к другому. Однако провокация отличается от манипуляции тем, что последняя является осознаваемым действием, демонстрирующим мастерство и ловкость манипулятора, который использует техники провоцирования намеренно. Данное действие генетически связано с речью и опирается на нее как на особую систему знаков [Степанов, 2005].

Анализ опубликованных материалов показывает, что онтологической функцией провокации является *символическая* функция, суть которой заключается в том, чтобы через символизацию психологического состояния инициатора воздействия (агента, провокатора, манипулятора, коммуникатора) казуировать у объекта (реципиента) аналогичное состояние как психологическое основание для дальнейшего взаимодействия с ним и лонгитюдного воздействия на его сознание [Смирнова, 1990; Степанов, 2005].

Для провокации существуют еще и широкий *социально-психологический и психолого-девиантологический контексты*, необходимые для сущностно-содержательного ее определения.

Провокативное поведение нами понимается как воздействие на познавательную систему (когнитивный уровень), систему отношений (аффективный уровень) и на мотивационно-волевую систему (конативный уровень) человека, создающее предрасположенность к выбору способа поведения – позитивного, созидательного или деструктивного, разрушительного.

Данный психолого-девиантологический конструкт не имеет четко заданного, константного и конкретного алгоритма и избранного способа воздействия агента провокации на реципиента провокации. Это или воздействие на сознание путем конструирования рациональной аргументации (убеждение), или влияние на сознание через эмоциональную сферу, или стимулирование подсознания (суггестия), воздействие с помощью вербальных (речевое воздействие) или невербальных интеракций (язык тела). Нам представляется, что в провокативном механизме применяется комплекс вышеперечисленных комбинаций и техник психологической интервенции.

Науке хорошо известны разные модели воздействия на личность, социальную группу, коллектив и социум в целом, в том числе классические – *психолингвистическая* (А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев), *психосемантическая* (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Ф. Петренко, Е.Д. Смирнова), *лингвистическая* (А.Н. Баранов, В.А. Маслова, Г.П. Мельников) и др.

Психосемантика ориентирована на исследование психологического восприятия человеком значений и смыслов разного рода объектов, основной задачей является конструирование так называемого семантического пространства (по К. Левину – «жизненного пространства»), в котором личность функционирует, воспринимает, сравнивает и оценивает окружающие ее объекты и саму себя.

Лингвистическая (вербальная, знаковая) модель представлена в научной литературе, как правило, речевым воздействием. Традиционно она рассматривается как междисциплинарная проблема. В лингвистике сложились различные подходы к пониманию вербального воздействия, которые только отчасти позволяют прояснить механизмы, действующие при аудировании и транслировании слов. В этих подходах речь идет о передаче смыслов от транслятора к реципиенту, о социальном и/или коммуникативном взаимодействии, о частном случае манипуляции, о совокупности способов и приемов, которые используются в текстах, и др. Доказано, что лингвистическая суггестия (латентное вербальное воздействие) убедительно воздействует самой речью, имеющей определенную смысловую нагрузку, значимость и императивность (Ю.Д. Апресян, 1967 г.; В.П. Белянин, 1983 г.; А.А. Востриков, 1992 г.; Г. Лозанов, 1976 г.; К.И. Платонов, 1963 г. и др.).

Психолингвистическая модель вербального воздействия разрабатывалась в рамках теории речевой деятельности, где психологическое воздействие определяется как «акт общения, рассматриваемый под углом зрения его направленности на тот или иной заранее запланированный эффект, т. е. с точки зрения его целенаправленности» [Леонтьев, 2004, 34]. Главной особенностью психолингвистической модели выступает целенаправленное воздействие на объект с целью спровоцировать его поведение в нужном для инициатора направлении, найти в системе его деятельности уязвимые «точки» и избирательно воздействовать на них [Леонтьев, 1997, 273].

Вызывает большой интерес ученых и практиков оригинальная и эвристичная модель американского психотерапевта Ф. Фарелли, который создал неформатное, альтернативное направление – провокативную психологию и психотерапию [Фарелли, Брандсма, 2012]. Провокативный метод Ф. Фарелли разрушает традиционные представления о гуманистической психологии и психотерапии и одновременно эффективно активизирует личностные ресурсы клиента с помощью специальной психологической и психотерапевтической провокативной практики, которая способна вскрыть иррациональные установки клиента и качественно и эффективно переформатировать их. Ярким примером такой провокативной техники Ф. Фарелли, по нашему мнению, является демонстрация блистательного психологического сериала

«Триггер» по Первому каналу российского телевидения. Психологическая и психотерапевтическая система Ф. Фарелли, на наш взгляд, может быть применима в современной российской педагогике, психологии и практике воспитательной, реабилитационной и реадaptационной работы в подростково-молодежной среде.

Примечательно, что учет интересов объекта провокативной интервенции хорошо просматривается и в моделях современной вербовки агентов различных разведок (RASCLS), представленных шестью принципами, выдвинутыми известным исследователем влияния Р.Б. Чалдини (2010 г.). Вербовщики агентов (в нашем случае – инициаторы воздействия, коммуникаторы и манипуляторы) реинтерпретируют их в следующем виде.

1. Взаимный обмен (reciprocation): создается чувство признательности (в случае вербовки, например, это оплата обеда на первой встрече).
2. Авторитетность (authority): известно, что престиж стоит дорого, подчинение авторитету приносит плюсы, неподчинение – минусы.
3. Нехватка (scarcity), нужда (need): то, что имеется в меньшем количестве, людьми ценится больше.
4. Постоянство (consistency), стабильность (stability): общество отвергает людей, которые не являются постоянными и предсказуемыми в своих действиях.
5. Симпатия (liking): например, характеризует такое наблюдение, как «нам нравятся люди, которым нравимся мы».
6. Социальное доказательство (social proof): это опора на социальное одобрение поведения [Чалдини, 2016].

Обратим внимание на то, что все эти реинтерпретационные характеристики вербовок одновременно являются и характерной особенностью выстраивания взаимодействия с людьми, которых хотят завербовать, в нашей интерпретации – с помощью искусственно смоделированных социальных ситуаций направить провокативную интервенцию и психологическое воздействие на трансформацию сознания и поведения личности.

Эффективность инкорпорации провокативной интервенции в человеческие взаимодействия и высокая степень синестезии провокативных навыков объясняются тем, что, во-первых, *интерсубъективным* коммуникативным средством является слово, во-вторых, многоуровневая структура смысла провокации оказывается очень притягательной для рецепции, поскольку «решающим в восприятии является не сенсорная данность... а то, что за ней подразумевается, другими словами, “апперципируется”» [Соколов, 1996, 19].

С появлением теории деятельности в отечественной психологии (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) на основе культурно-исторической концепции Л.С. Выготского особое внимание стали уделять базовым в данной теории понятиям: потребность, мотив, цель, намерение, деятельность, действие, операция. Мы рассматриваем существующие в современной науке подходы к пониманию этих социально-психологических явлений и выстраиваем концептуальный каркас понятия «провокативное поведение» как психолого-девиантологический конструкт. Как нам представляется, содержащаяся в любой провокации информация о латентном намерении ее инициатора, которое рассчитано на восприятие реципиентом, и может снять неопределенность для характеристики провокативного поведения.

Мы обращаемся к понятию «провокативное поведение» потому, что категория деятельности представляет основу особого деятельностного дискурса «человеческого мира» и выступает в качестве своеобразного «объяснительного актуализатора» такого дискурса. Это важно еще и потому, что провокативное поведение в современных условиях экспансивно развивающихся IT-индустрии, медиа- и цифрового пространства, киберпространства, глэм-технологии, Интернета,

глем-культуры, гламуризации, виртуализации знаний, сознания и асоциального опыта (например, компьютерные игры деструктивной направленности), особенно подростков и молодежи, актуализируется и детерминируется глубинными человеческими потребностями – в общении, взаимопонимании, идентификации, социальной защищенности и др., которые подкреплены мотивом избирательно-настороженной коммуникативной активности человека и ориентированы на «гармонизацию» внутреннего психологического состояния реципиента провоцирования демонстрируемому психологическому состоянию. Согласно статистике ВЦИОМ (2019 г.), в Российской Федерации около 75% населения являются пользователями Интернета, среди них 66% используют интернет-пространство для общения, 60% – для новостного серфинга, 58% – для развлечений, 52% – для самообразования. Поэтому психологическое влияние социальных сетей и Интернета на психику человека, особенно юного, катастрофически огромно. Это влияние несет в себе скрытый детонирующий эффект деструктивного свойства [Клейберг, 2019; Клейберг, 2020].

Безусловно, провокативное поведение является специфической разновидностью деятельности, которую можно описать, эксплицировав порождающие его потребности, мотивы, цели и намерения, а также ее презентационные аттитюды, действия и операции. Поводом провокативного поведения выступает *потребность в интеракции* как социальная и личностная потребность. Основной *провокативный мотив* заключается в необходимости скоординировать позиционируемое внутреннее состояние инициатора воздействия и состояние провоцируемого; *провокативное намерение* выражается в стремлении транслировать демонстрируемое психологическое состояние; *провокативная цель* направлена на то, чтобы вызвать адекватную ожидаемую реакцию на собственное провокативное поведение.

Провокативный источник поведения «находится» в мотиве доминирования, подчинения воли другого человека собственной воле (по А.А. Ухтомскому – «доминанта на другого человека»); данный мотив опирается на его априорную самоуверенность в собственной силе и особых полномочиях. К. Берк в качестве отправной точки структурирования провокативного поведения предложил пентаду: действующее лицо (agent), действие (action), обстановка (setting), средства (instrument), цель (goal). Дж. Брунер добавил к этому списку трудность (trouble) [Брунер, 2005].

Как видно, провокативному поведению свойственна некая дуальность. С одной стороны, для его проявления необходимы ситуация, обстановка, субъект и объект, цель, средства ее достижения и т. п., что составляет «ландшафт провокативной деятельности», с другой стороны – мысли, чувства, эмоции, знания и другие переживания, что характеризует «ландшафт провокативного сознания». Как известно, любая деятельность и сознание в своем единстве являются в психологии основополагающим принципом теории деятельности, а именно: «Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание... образуют единство» [Рубинштейн, 1973]; сознание не просто создается и развивается в деятельности, но и неотъемлемо в ней существует [Леонтьев, 2004].

Провокативное поведение осуществляется в конкретном намерении (по Дж. Брунеру – «нарративный модус») агента провокации к иллюстративному выражению своего внутреннего состояния. Оно оформляется с помощью определенного рода символических и/или сигнальных действий, интенциональной стороной которых является символическая презентация определенного внутреннего состояния, а операциональной стороной – многозначное вербальное и поведенческое репродуцирование.

При этом потребности, мотивы, цели, намерения и действия провокативного поведения могут быть неосознаваемыми, а их вербальное выражение остается при этом конвенциональным

и характеризуется определенной долей ритуализации поведения. Вместе с тем следует отметить, что вербальное взаимодействие одновременно может осуществляться на разных уровнях осознанности. Соответственно, вербальная суггестия также может происходить на разных уровнях. В связи с этим психологи говорят о существовании так называемых неосознаваемых механизмов сознательных действий, к которым относятся три различных подкласса: неосознаваемые автоматизмы, явления неосознаваемой установки, неосознаваемые сопровождения сознательных действий [Гиппенрейтер, 2002, 68]. Это целый комплекс неосознаваемых человеком процессов, сопровождающих вербальные действия и оказывающих воздействие на его психику, провоцирующее девиантное и криминальное поведение.

Проведенный анализ провокативного поведения в ситуациях социального и межличностного взаимодействия выявил примечательную закономерность: в результате провокации изменяется не только психологический иммунитет того, кого провоцируют (реципиента), но и безусловно трансформируется *animi status* (психологическое состояние) самого агента провокации. Задача агента провокации заключается в том, чтобы вызывать в реципиенте чувства, состояния, способные ослабить психологический иммунитет и заставить его перестать сопротивляться, создать необходимую психологическую обстановку, которая позволит инициатору провокации беспрепятственно трансформировать психическую (аффективную и когнитивную) активность провоцируемого.

При этом в провокативном поведении проявляется особое качество – демонстративность, экстернизация внутренних состояний с использованием языковых маркеров-знаков – неконвенциональных, опирающихся на конситуацию маркеров-символов психологических состояний. Специфическое символическое представление психологических состояний аудирующего в лингвистике получило терминологическое название «речевое поведение» [Винокур, 1993, 12].

Понятно, что лежащая в основе провокативного поведения активность личности относится к классу *коммуникативной активности*, которая «предполагает взаимодействие людей, находящихся в общении, и презентацию “внутреннего мира” одного субъекта другому субъекту» [Хайкин, 2000, 90]. Автор описывает функции провокативного поведения в условиях массовой коммуникации: а) *регуляторно-коммуникативная функция провокативного поведения* проявляется во взаимной регуляции и коррекции поведения субъектов, участвующих в интеракции, и приводит к активности субъекта-адресата, возникающей на основе подражания и заражения; б) *аффективно-коммуникативная функция провокативного поведения* относится к эмоциональной сфере человека, а в процессе общения людей изменяется их эмоциональное состояние.

Важным в контексте нашего психолого-девиантологического дискурса провокативного поведения является тезис о том, что социальный генезис и знаково-символическая функция слова послужили аккумулятором триумvirата деятельности, сознания и поведения в провокативных ситуациях массовой коммуникации.

Психолого-девиантологический дискурс провокативного поведения с точки зрения психологии девиантного поведения – это социально и психологически обусловленный механизм рационально организованного алгоритма действий в структуре социальных и межличностных интеракций. Основу механизма провоцирования характеризуют *демонстрация* и *ретрансляция* реального или имитируемого интенционального состояния агента воздействия реципиенту провоцирования в ситуациях взаимодействия, *локализация* провокативного намерения в знаково-символической форме и *вызывание* в адресате аналогичного состояния (рис. 1).

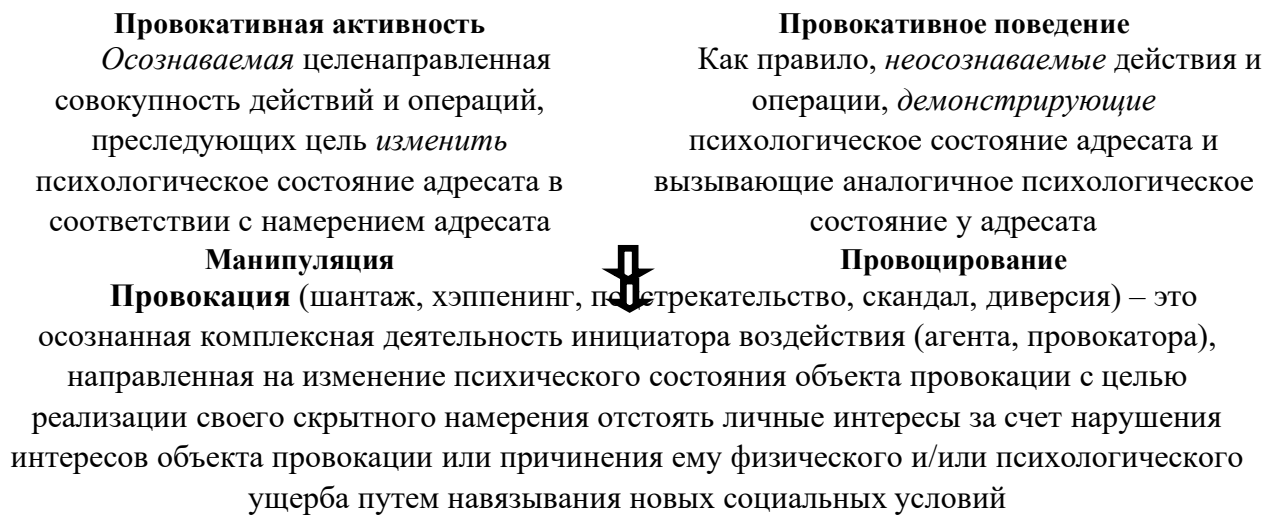

Рисунок 1 - Механизм провоцирования

Под психолого-девиантологическим дискурсом провокативного поведения мы понимаем также комплекс девиантологических, психолингвистических, психосемиотических и лингвистических факторов, характеризующий провокативные намерения инициатора – агента воздействия с целью скорректировать сознание и поведение провоцируемого и вызвать в нем позиционное провоцирующее психологическое состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента в социальном и межличностном взаимодействии и общении или ориентировано на нарушение общепринятых норм в обществе, квалифицируемых как девиантное (асоциальное, криминальное) поведение [Клейберг, 2019; Клейберг, 2020].

В заключении отметим, что в книге «Дискурс и социальная психология: за пределами установок и поведения» были сформулированы основные принципы дискурсивной психологии, которые всецело применимы и к психолого-девиантологическому дискурсу провокативного поведения.

1. *Принцип конструктивности*: дискурс конструируется словами и поступками, и сам конструирует социальный мир.
2. *Принцип интенциональности*: дискурс ориентирован на действия и социальные практики.
3. *Принцип ситуативности*: дискурсивные действия производны от коммуникативных, риторических и институциональных ситуаций [Potter, Wetherell, 1987].

Заключение

Исходя из указанных принципов, полагаем, что девиантологические феномены, в том числе провокация и провокативное поведение, конструируются, осознаются, осваиваются, понимаются, принимаются и демонстрируются в процессе социальных контактов и совместной деятельности.

Важным аспектом психолого-девиантологического направления при характеристике провокативного поведения является *деконструкция* проблемных дискурсов, т. е. процесс конструирования через разрушение (деструкцию). В контексте психологии девиантного поведения деконструкция – это демонтаж социально-психологических проблемных дискурсов

путем их переосмысления и трансформации с одновременной конструкцией современных, оригинальных, адаптивных, позитивно социализирующих и ресоциализирующих человека дискурсов. В этом смысле деконструкции смогут претендовать на методологическое основание психологической и психотерапевтической социальной практики.

Провокативное поведение – один из многочисленных инструментов воздействия на людей с целью удовлетворения тех или иных потребностей, поскольку в социальных условиях жизни удовлетворение многих потребностей человека зависит от отношения к нему других людей, на изменение которого, осознанно или нет, направлены его манифестации и позиционирование. На современном этапе развития общества некоторые социальные ситуации и события (экономические, политические и т. п.) выступают провокативным триггером девиантного и криминального поведения.

Библиография

1. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1. С. 9-29.
2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993. 172 с.
3. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию: курс лекций. М., 2002. 336 с.
4. Клейберг Ю.А. Введение в ювенальную патопсихологию. Тверь: ТвГУ, 2019. 246 с.
5. Клейберг Ю.А. Психология социального поведения, риска и безопасности личности. Лондон – М.: Академия образования Великобритании, 2020. 408 с.
6. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. 365 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Академия, 2004. 352 с.
8. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 423 с.
9. Смирнова Е.Д. Основы логической семантики. М., 1990. 143 с.
10. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. СПб., 1996. 319 с.
11. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 37 с.
12. Фарелли Ф., Брандсма Дж. Провокативная терапия. Екатеринбург: Е-Принт, 2012. 192 с.
13. Хайкин В.Л. Активность (характеристики и развитие). М., 2000. 448 с.
14. Чалдини Р.Б. Психология влияния. СПб., 2016. 331 с.
15. Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology: beyond attitudes and behaviour. London: Sage, 1987. 256 p.

Provocative behaviour: psychological deviantological discourse

Yurii A. Klayberg

Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy,
Professor at the Department of pedagogy and social work,
Tver State University,
170100, 33 Zhelyabova st., Tver, Russian Federation;
e-mail: klab53@rambler.ru

Abstract

The article carries out a systematic analysis of provocative behaviour in social and interpersonal interaction, describes the models of provocative behaviour (impact), and makes an attempt to identify functions, principles and mechanisms of provocative behaviour. It pays attention to the fact that deviantological phenomena, including provocation and provocative behaviour, are constructed, realised, mastered, understood, accepted and demonstrated in the process of social contacts and

cooperative activities. The deconstruction of problem discourses, i. e. the process of construction through destruction, is an important aspect of the psychological deviantological direction in the characterisation of provocative behaviour. Deconstructions can be viewed as a methodological basis for psychological and psychotherapeutic social practice. Having considered scientific literature on the issue, the author of the article defines provocative behaviour as one of the many tools used for influencing people with a view to meeting certain needs, since in social conditions of life, the satisfaction of many human needs depends on the attitude of other people, which can be changed, consciously or not, by manifestations and positioning. The article points out that at the present stage of society's development, certain social situations and events (economic, political, etc.) act as a provocative trigger for deviant and criminal behaviour.

For citation

Klayberg Yu.A. (2020) Provokativnoe povedenie: psikhologo-deviantologicheskii diskurs [Provocative behaviour: psychological deviantological discourse]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (1A), pp. 269-277. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.032

Keywords

Provocative behaviour, provocative trigger, psychological deviantological discourse, provocation, deviant behaviour.

References

1. Bruner, J. (1987). Life as narrative. *Social research*, 54 (1), pp. 11-32. (Russ. ed.: Bruner J. (2005) Zhizn' kak narrativ. *Postneklassicheskaya psikhologiya* [Post-non-classical psychology], 1, pp. 9-29.)
2. Cialdini R.B. (2008) *Influence: science and practice*. Allyn and Bacon. (Russ. ed.: Cialdini R.B. (2016) *Psikhologiya vliyaniya*. St. Petersburg.)
3. Farrelly F., Brandsma J. (1981) *Provocative therapy*. Meta Publications. (Russ. ed.: Farrelly F., Brandsma J. (2012) *Provokativnaya terapiya*. Ekaterinburg: E-Print Publ.)
4. Gippenreiter Yu.B. (2002) *Vvedenie v obshchuyu psikhologiyu: kurs leksii* [An introduction to general psychology: a course of lectures]. Moscow.
5. Khaikin V.L. (2000) *Aktivnost' (kharakteristiki i razvitiye)* [Activity (characteristics and development)]. Moscow.
6. Klayberg Yu.A. (2020) *Psikhologiya sotsial'nogo povedeniya, riska i bezopasnosti lichnosti* [The psychology of social behaviour, risk and personal safety]. London – Moscow: UK Academy of Education.
7. Klayberg Yu.A. (2019) *Vvedenie v yuvenal'nuyu patopsikhologiyu* [An introduction to juvenile pathopsychology]. Tver: Tver State University.
8. Leont'ev A.A. (1997) *Psikhologiya obshcheniya* [The psychology of communication]. Moscow: Smysl Publ.
9. Leont'ev A.N. (2004) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Akademiya Publ.
10. Potter J., Wetherell M. (1987) *Discourse and social psychology: beyond attitudes and behaviour*. London: Sage.
11. Rubinshtein S.L. (1973) *Problemy obshchei psikhologii* [The problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika Publ.
12. Smirnova E.D. (1990) *Osnovy logicheskoi semantiki* [The fundamentals of logical semantics]. Moscow.
13. Sokolov A.V. (1996) *Vvedenie v teoriyu sotsial'noi kommunikatsii* [An introduction to the theory of social communication]. St. Petersburg.
14. Stepanov V.N. (2005) *Provokativnyi diskurs massovoi kommunikatsii. Doct. Diss. Abstract* [The provocative discourse of mass communication. Doct. Diss. Abstract]. St. Petersburg.
15. Vinokur T.G. (1993) *Govoryashchii i slushayushchii. Varianty rechevogo povedeniya* [The speaker and the listener. Speech behaviour options]. Moscow.